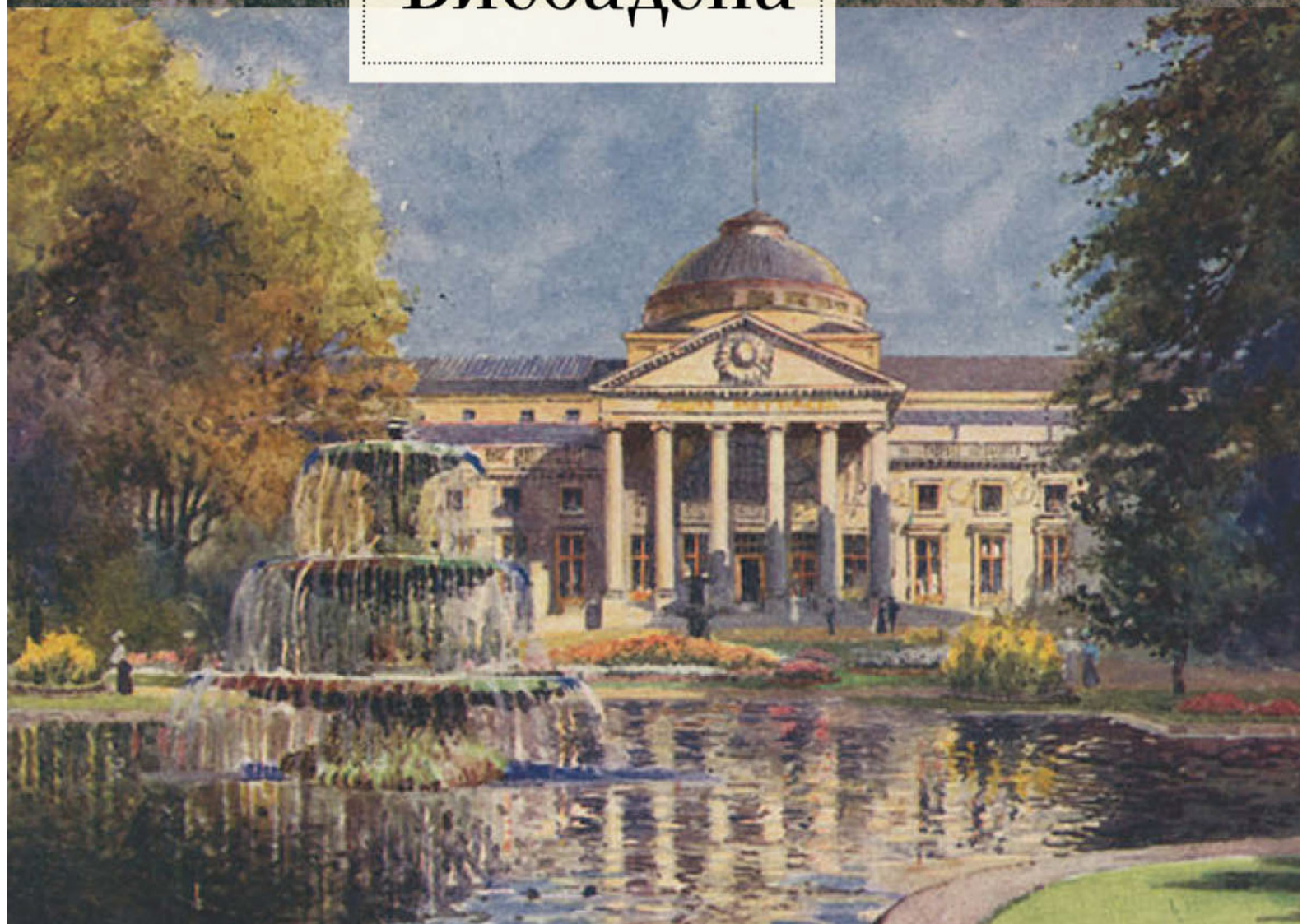

Светлана
Арро

Русские
тайны
немецкого
Висбадена

Светлана Арро

**Русские тайны
немецкого Висбадена**

«Алетейя»

2020

УДК 929
ББК 63.2

Арро С. Е.

Русские тайны немецкого Висбадена / С. Е. Арро — «Алетейя»,
2020

ISBN 978-5-00165-058-4

Новая книга Светланы Арро - о династических связях России и Германии в XIX веке, когда две страны породнились благодаря многочисленным бракам великих князей, княжён, принцев, принцесс, царей и королей. Эти отношения основаны на взаимных поисках женихов и невест, которые не всегда завершались браками, но создавали дружелюбие государств. Немецкие принцессы становились русскими царицами, а русские княжны немецкими королевами. Русско-европейский рынок невест и женихов работал бесперебойно. Немецкие невесты и женихи мечтали о богатой, великолепной и загадочной России. Только судьбы и браки редко решались на небесах, они имели политическую подоплёку и часто заканчивались трагедиями. Однако наряду с драматичными судьбами среди невест, принцесс или великих княжён появлялись смелые и деятельные женщины с характерами, добивающиеся самостоятельности и независимости, заслужившие уважения современников. Интересно, что такими были дочь и внучки Пушкина, о которых тоже рассказывает эта книга. Автор использовал множество неизвестных русских и немецких архивных материалов, касающихся, в основном, Земли Гессен-Висбадена и Дармштадта, которые стремились стать рядом с русской столицей Петербургом.

УДК 929
ББК 63.2

ISBN 978-5-00165-058-4

© Арро С. Е., 2020

© Алтейя, 2020

Содержание

Глава 1.	6
Нельзя и Можно: что было «нельзя», а стало «можно»	6
Столетие Ахматовой, июнь 1989	8
Итальянская конференция и мой обман	10
Что за Висбаден? Гений места города	14
Пара рваных лоскутов европейской истории	17
Французы тут как тут	22
Создатели города Висбадена	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

С.Е. Арро

Русские тайны немецкого Висбадена

Глава 1.

Висбаден. Принцы, принцессы, герцоги, короли...

Нельзя и Можно: что было «нельзя», а стало «можно»

Лет тридцать назад на нашей заскучавшей от правил социализма родине случились фантастические перемены. Точной их даты – ни года, ни дня, ни часа – никто назвать не может. Или у каждого эта дата своя. Людям осточертели лозунги, выложенные белыми крашеными камнями, может быть, кирпичом, вдоль всех железнодорожных путей: народ и партия едины! Надоело это вранье. И вдруг оказалось, что наш гордый Союз Советских Социалистических Республик сдулся, исчез, развалился. А особо злые остряки стали называть его просто совком.

Запертые в течение 70 лет ворота СССР – граница на замке! – открылись! И три поколения российских людей, учивших в школе географию, хотя и знали, что есть на земле другие страны, никогда их не видели. Не имели права видеть. Это было *нельзя*. Вообще *нельзя* было любимое государственное слово.

Когда начали засыпать на ходу и клевать носом на заседаниях наши главные руководители, а потом и помирать вдруг один за другим, потому что состарились, народ вдруг развеселился и сказал другое слово: *Можно*. И страна начала меняться.

В конце 80-х жизнь в Ленинграде взбурлила. Политические дискуссии в домах культуры, открытые споры прямо в трамваях, острые программы по телеящику! Говорилось вслух обо всём, о чём вчера можно было только дома, на кухне. Да и книги стали появляться необыкновенные, вроде тех, которые недавно мы прятали, если доводилось не приобрести, а секретно получить на ночь. Ожесточённые споры сменялись сногшибательными надеждами. Над новым первым рулевым Горбачёвым посмеивались, в нём сомневались, особенно, когда он начал бороться с пьянством, этот залп по самому святому затрагивал всех, и народ мигом дал отпор, вроде городского фольклора: Водку сделали по восемь, всё равно мы пить не бросим, передайте Горбачу, нам и десять по плечу! Потом оказалось, что смертность от алкоголизма уменьшилась в разы. Дикая очередь за спиртным помню, один раз и меня в эту очередь втравили, потому что на человека по бутылке и всё до семи. А у нас редакционная гулянка. Ох, как все осмелели! До начавшегося хаоса и бандитизма. Обычные граждане опасались по вечерам выходить из дому.

Наиболее любопытные стояли в длинных очередях, чтобы получить загранпаспорт, «вызов» и «визу». Сначала разрешали посмотреть за границу не всем. Появилась поговорка «Еврей – не национальность, а средство передвижения». То же относилось к немцам, грекам, к кому-то ещё. Но раз Можно, то люди стали инициативнее. Чиновники и делопроизводители, выдающие справки, тоже приободрились. Появились молодые продвинутые мажоры, которые помогали купить джинсы и доллары, и за эти деяния уже не сажали в тюрьму. Люди радостно перестраивались, особенно молодёжь.

Мои дети были любопытными и любознательными. Восемнадцатилетняя дочь отправилась в свадебное путешествие в Италию в 89-м году. Сын с женой и маленькими детьми уехал в 90-м. В это время уже меньше веселились. Продуктовые магазины закрывались. Появились продуктовые карточки и громадные очереди в супермаркеты. Закрывались и разворачивались

заводы и прочие предприятия. Дети ехали в гости с «вызовами», посмотреть мир. Через год дочка с мужем оказались в немецком городе Висбаден.

В чадую многообещающей и интересной работы я не сразу осознала, что осталась одна. Всё было очень непросто. Моё редакторство в издательстве АН при Пушкинском доме растаяло «по сокращению», и я оказалась без работы. Во время случайной встречи с приятельницей, поэтессой Майей Борисовой, мы разговорились. Она вспомнила мой давний рассказ о том, как я пару лет назад наивно предлагала в Лениздате заявку на книгу об Анне Ахматовой, мне ответили, что для книги Ахматова недостаточно гражданская персона, я возразила. Моя собеседница спросила, не охладела ли я к этой теме, собственно говоря, к давней мечте. Я заволновалась: – Почему спрашиваешь? Какая-то хорошая каша заваривалась. Разговор продолжился на следующий день с Михаилом Александровичем Дудиным, поэтом, героем войны, депутатом и прочее. Поговорили, он спросил, не хочу ли я заняться организацией 100-летнего юбилея Анны Ахматовой? Ничего себе вопрос! Конечно, хочу! Неужели это возможно?!

Дудин предупредил: работы много, и это на весь предстоящий год – с середины 1988 по июнь 1989. Собрать совещания, связываться со всеми творческими союзами, приглашать почётных гостей, готовить научную конференцию, помогать в подготовке открытия музея в Шереметевском дворце! Вопрос зряплаты (словечко Дудина) пока неясен.

Столетие Ахматовой, июнь 1989

Я на всё согласна. Мне привалило невероятное счастье. Через три дня я начала крутиться как белка в колесе организационной работы. Моё рабочее место было... страшно сказать, в диковато называемом Главке, в кабинете всё ещё всеильной М. П. Мудровой, но уже всё-таки потерявшей силу. Многие знали о том, что недавно на предложение провести столетие Ахматовой, Мудрова ответила: «Только через мой труп». Теперь она, вполне живая, не вмешивалась в работу и была неизменно вежлива. А я висела на телефоне Главка и собирала небольшие совещания больших людей. Имя Ахматовой открывало все нужные мне двери. Отказов не случалось. Нигде не приходилось ждать, меня ждали.

Союзы писателей, художников, композиторов, журналистов, только что образовавшийся Фонд культуры, Филармонический зал – все принимали активное участие, включились в подготовку. Какие легендарные личности, с которыми мне довелось познакомиться, входили в юбилейный комитет, собиравшийся каждую неделю! Лев Николаевич Гумилёв, Зоя Борисовна Томашевская, замечательный учёный Константин Азадовский, которого все звали Костей, Нина Александровна Жирмунская, в общем, множество интереснейших людей, воодушевлённых невероятным, ещё вчера абсолютно запретным событием – столетием Анны Ахматовой. После долгих лет травли, шельмования и замалчивания – всё разрешено! Весь культурный или считающий себя культурным Ленинград зашевелился, возликовал, как говорилось, стоял на ушах! Городские власти, ещё старые, раскошелились, показали, что и они не лыком шиты, отвалили денег на юбилейные торжества. Правда, откуда шли деньги, кто их давал и кому, я не знаю до сих пор. Ясно только, что этот праздник культуры был весьма затратным.

Сохранённая мной «Программа юбилейных торжеств, посвящённых столетию Анны Ахматовой» говорит, что ахматовский юбилей в Ленинграде длился 9 (девять!) дней: с 20 по 28 июня 1989 года. Ничего подобного не было ни до него, ни после, когда началась последующая череда юбилеев или празднеств, посвящённых прежним отверженным. Программа включала на все дни для участников, приезжающих из разных мест страны и из-за границы самые разнообразные действия культуры. Насыщенная, даже перенасыщенная программа была выполнена без сбоев. Долю гордости за это разнообразие форума культуры несу и я.

К торжественному вечеру готовились Большой зал Ленинградской филармонии им. Д. Д. Шостаковича с выставкой «Бег времени» в фойе, творческие союзы и Дома – писателей, композиторов, художников, журналистов, учёных, экскурсионные объединения Ленинграда и Царского села, тогда ещё города Пушкина, Дом творчества писателей в Комарово и даже Никольский собор готовился к литии в честь Ахматовой (Как же это выдержал несчастный обкомовский Смольный?! Наверное, не без понимания своего конца).

24 июня, в день рождения Анны Ахматовой, было торжественное открытие Музея во флигеле Шереметевского дворца на Фонтанке. Вход в него тогда и в последующие года был с Литейного проспекта. Нина Ивановна Попова, ранее служившая в музее-квартире Пушкина на Мойке, перебиралась на другую ленинградскую реку. Она не успевала, работы было слишком много, времени не хватало. За пару дней до открытия она была в ужасе от захламленных полов в квартире, превращавшейся в мемориальный музей. В то время мы с ней подружились. Она позвонила в панике от того, что некому вымыть полы. Кликнули телефонный клич – и отозвались мгновенно несколько молодых ребят.

В один из последних юбилейных дней все активные участники были отвезены в святая святых – Лавку писателей, где выстроились вполне прилично моменту в аккуратную очередь, голова к голове, и «вас тут не стояло» отнюдь не звучало. Каждый получил по списку легендарной Марины Ивановны, директора Лавки, в подарок весомую пачку замечательных книг, включая двухтомник Ахматовой и однотомник Николая Гумилева из Большой серии Библио-

теки Поэта. Потом прямо от Лавки писателей на Невском проспекте последовала автобусная экскурсия по литературным местам Петербурга-Ленинграда. На следующий день гостей возили в Петродворец, а вечером была встреча в кинотеатре «Титан» с постановочной группой документального фильма «Личное дело А. А. Ахматовой» и, конечно, его показ.

Самое главное событие происходило три дня: это была Международная научная конференция «Анна Ахматова. Труды и дни». Однако в бумажной Программе, которую я держу в руках, она все-таки называется Всесоюзной конференцией. Кто-то, кто заверял и проверял текст, испугался такого размаха. А ведь мы, оргкомитет, писали письма-приглашения нашим филологам, ещё прежде шмыгнувшим в закрытый для нас мир, нашедшим лазейку для отъезда. Несколько интереснейших докладов читали эти недавние «невозвращенцы» с мировыми именами. Каждый день конференции проходил в различных превосходных залах. 26 июня – Малый зал филармонии имени М. Глинки, у Дворцовой площади. Вечером там же – Музыкальный концерт. 27 июня – Дом писателя им. Маяковского, на ул. Воинова, 18. В том прекрасном и ужасном Доме, которого больше нет. Из-за склок неизвесных мне личностей, претендующих на этот шереметевский особнячок, он сгорел в результате поджога. Может быть, его поджёг отвергнутый графоман? Или их была целая банда? А писатели тушили, спасали библиотеку. Для всех, кто связал свою жизнь с этим Домом, это личная трагедия.

Заключительный день конференции проходил в Пушкинском Доме – в Институте Русской литературы АН СССР на набережной Макарова. Да, всё ещё так называлось, громко и помпезно. Не выдерживая этой помпы, я её всё же смягчаю в некоторых местах, хотя и оставляю для тех, кто вспомнит с понятной ухмылкой.

А я была всего этого невероятного дела Ответственный секретарь и референт. Никогда, ни прежде, ни после не бывала никаким секретарём, никаким начальником. Не желала. Уклонялась.

Готовя конференцию, я знакомилась с удивительными людьми. Страшно жаль, что эти знакомства и дружбы оказались короткими, в чём была моя вина, точнее, мои семейные обстоятельства. Такие витки в это бурное время выделявала с людьми жизнь. Я беспокоилась о детях, особенно о дочери, которая в свои 18 лет, с несерьёзным мужем, как мне казалось, была уже где-то за границей, под Веной, в ожидании дальнейших переездов.

Творческие и научные знакомства на столетии Ахматовой создавали и расширяли литературную среду, без которой литератор не растёт. Я была счастлива, это было дело моей жизни. Легко получила два, нет, три договора разных издательств на книги, две из них ахматовские. Получила приглашение на участие в Международной конференции в Италии. Именно это приглашение меня просто сразило: ведь я смогу выступить в Италии, а потом встретиться с дочкой, найти её! И это случилось. Получилось! Только на этом авантюрном вираже я не только блеснула, но и проиграла. Пропала. Исчезла. Расскажу об этом сногсшибательном событии во времена междуцарствия, когда я совершила обман, обдуманый и необходимый. Материнский. Не признающий отступлений.

Итальянская конференция и мой обман

Итальянская конференция была посвящена Оптиной пустыни, знаменитой русской обители, известной особой ролью в духовном развитии России. Этот маленький небогатый мужской монастырь стал знаменит своими иноками и старцами, мудрость которых с начала XIX века притягивала к себе тысячи страждущих искателей истины.

Я родилась в советской интеллигентной атеистической семье. Все три определения этого утверждения противоречат друг другу. Такова была внутренняя драматичность семей, построенных на замалчивании политических, духовных, нравственных проблем. Я очнулась от моральной слепоты в десятом классе, в год смерти Сталина, увидев впервые, что мои близкие, особенно мама и бабушка совсем иначе, чем другие окружающие, реагируют на это событие. Пришла из школы зарёванная, вся школа рыдала на собрании в актовом зале. Моя бабушка, окончившая когда-то епархиально-церковное училище в Саратове, переставшая с горя верить в Бога в 1920 году, когда умер от сыпняка её старший сын актёр, которого ждал МХАТ, в марте 53-го года сказала: – Не реви попусту. Эта икона фальшивая. Умер притворщик и тиран, а не святой». Вечером того же дня я была поражена мамиными словами: «Умер великий человек. Не тот, о ком ты плакала. Композитор Прокофьев». За этими первыми откровениями последовали серьёзные раздумья. А через три года, в 1956 году, многое прояснилось после доклада Хрущёва «О культе личности и его последствиях». Не вредно бы и сейчас, через столько лет, перечитать людям, не знающим прошлого, этот доклад хотя бы в википедии, где он отредактирован в последний раз совсем недавно – 4 февраля 2019 года.

За год до этого события, изрядно перетряхнувшего страну, даже разделившего её на две спорящие половины, в ленинградской больнице Эрисмана умирала моя бабушка, а я стояла у спинки её койки. И я увидела её последний миг. С любовью глядя на меня, она подняла руку ко лбу со сложенными пальцами, чтобы перекреститься, и рука медленно упала. Последние силы её оставили. Это мгновение я вижу до сих пор, когда я уже старше моей дорогой бабушки. После её ухода я окрестилась, стала православной верующей.

Когда закончились торжества ахматовского юбилея, знакомый литературовед предложил мне участие в конференции, посвящённой Оптиной пустыни, которую готовил университет города Бергамо в Италии. Большинство советских людей почти ничего не знало об Оптиной пустыни. Конечно, знали те, кто изучал историю русского духовенства и русской философии, подменённой в атеистические времена марксизмом-ленинизмом, громко иногда называемым философией. После 70-ти лет этой подмены в конце 80-х годов оказалось, что подобная тема близка и дорога многим серьёзным учёным. Никак себя к ним не причисляя, я сообразила свою тему для выступления на конференции, которая была мне интересна по своей философско-литературной тематике, и позволила бы, как я задумала, оказаться где-то недалеко от дочери, попытаться её увидеть.

Поглощение ахматовской темой подсказало формулировку для доклада на религиозно-духовной конференции: «А в Оптиной мне больше не бывать...». Строка из стихотворения Анны Ахматовой «Предыстория», первой из шести «Северных элегий». Каждому, знакомому с творчеством Ахматовой, очевидно, что она поэт не просто одухотворённый, но глубинно духовный и религиозный. Готовясь к докладу, я пришла в Духовную Академию на приём к ректору, им был тогда отец Владимир (Сорокин), он благословил меня на работу после беседы со мной. Около трёх месяцев я посещала библиотеку Духовной Академии в Александро-Невской Лавре. Это было громадное счастье и удовольствие! Особенно, если учесть, что был Великий пост 1990 года, и меня приглашали в трапезную, где подавали глубокую миску с вкусно приготовленной гречневой кашей и кисель. А кругом бесшумно сновали или сидели с

той же кашей за длинными столами молодые будущие священники в подрясниках и их наставники в рясах.

Окончательное название моего доклада звучало так: «А в Оптиной мне больше не бывать... Анна Ахматова. Её символ веры и религиозная символика». Ректор Академии сказал мне, что знает об итальянской конференции, и от академии едет в Италию архимандрит Августин (Никитин), сам провёл меня в библиотеку, где представил сначала библиотекаря, а потом познакомил с архимандритом Августином, оказавшимся симпатичным молодым человеком. В начале апреля 1990 года несколько человек из Ленинграда (уже шли активные переговоры и стихийные митинги о возвращении имени города) под старшинством и руководством литературоведа профессора Леонида Долгополова отправились самолётом в итальянский университетский город Бергамо (ударение, кстати, на первом слоге, в отличие от неверного оперного). На таможенном досмотре со мной случился казус. У всех в руках были легкие сумки или просто портфели, у меня же была большая и тяжёлая сумка, в которой находились коробки с тюбиками отличных ленинградских акварельных красок, доставаемых по благу. Мы проходили по общему списку, который был в руках Долгополова. Никого, кроме меня, не досматривали. Мою большую сумку, которую держал в руках один из наших литераторов, таможенник попросил открыть. С удивлением увидел содержимое, спросил: – Что это, зачем? Я говорю: – Знакомые художники просили (это о моей дочери, знакомой художнице). Долгополов нашёлся и сказал: – Знаете, она у нас немножко не в себе, всем помогает. Таможенник засмеялся, и дал отмашку: – Проходите. Мужчины подхватили мою сумку. У них вопросов не было.

Потом был сказочно прекрасный город с беломраморными храмами и дворцами, в который мы поднимались на фуникулере, это был город над городом. Встреча с дружелюбными университетскими светилами и студенческой молодёжью была сердечной, даже родственной. Наконец – целая неделя интереснейших докладов, разговоров в перерывах, замечательных знакомств. Я жила в комнате со знатоком церковной музыки и песнопений москвичкой Татьяной Владышевской. Сблизилась с несколькими милыми философиями из разных городов, с радостью встретила Миливое Йовановича, прекраснейшего историка и литературоведа из Белграда, которым восхищалась в Ленинграде на Ахматовской конференции.

Мой доклад был встречен с интересом, что было очевидно по долгой дискуссии, на которой многие высказывали свои предположения о времени возможного посещения Ахматовой Оптиной пустыни. В последний рабочий вечер нас, всех участников-гостей, потчевали ужином. На круглый стол была поставлена бутылка невероятно вкусного вина. Ничего подобного я более в жизни не пробовала. Наверное, не только я. Никто из нас не купался в роскоши. А эта бутылка была из особого подвального шкафа винотеки, как сказал нам служитель, с извинением отказавшись принести вторую бутылку. Оказывается, это был подарок высочайшей ценности от владельца дворца, в котором мы гостили. За этим столом после выпитого бокала волшебного вина я рассказала о своём преступном намерении не лететь домой по общему ленинградскому списку, а ехать искать дочь.

Что тут началось!! Все меня поддержали так горячо, как будто речь шла о самом близком и дорогом человеке! У молчаливой аспирантки началась истерика со слезами. Одна за другой учёные дамы стали говорить, что случилось с их детьми, которые убежали из дома или хотят уехать! У доцентши московского университета сын был в таком же положении, как моя дочь, уехал в Америку и молчит, нет о нём сведений! Все стали мне подсказывать, как и когда мне ехать. Ктото знал расписание поездов до Венеции, сказал, когда удобнее ехать и как. Двое мужчин вызвались посадить на поезд рано утром следующего дня. Пообещали сказать главному лицу конференции профессору Нине Каухчишвили на следующий день после прощальной экскурсии по городу Бергамо о моем отъезде, объяснить его причину и выпросить прощение. С точки зрения советского поведения за границей, я совершала обманный и преступный поступок. Но весна 1990 года была временем Х. Все правила менялись на громадной скорости.

Когда я вернулась в Ленинград, никто даже не вспомнил о моём побеге, ни на какой ковёр меня не вызвали.

Я помню вас, и по сей день с благодарностью вспоминаю, дорогие мои случайные друзья и подруги! Замечательные учёные, умницы и умники, всё понимающие, и к тому же принимающие близко к сердцу тревоги материнства. Деньги за доклад я получила, их хватило на билет до Вены. Дочь находилась неподалеку от австрийской столицы. Я села у окна в региональный поезд Бергамо-Венеция, баул с красками стоял у моих ног. Пакетик с бутербродами мне тоже передали. На остановке в Вероне я смотрела в окно, надеясь увидеть Ромео и Джульетту, вместе или врозь, но никого, их напоминающих, не увидела. Шумная толпа была озабоченной, как на любом другом вокзале. Дорога длилась, как мне помнится, около двух часов. На венецианском вокзале толпа была настолько густой, что приткнуться куда-либо было невозможно. Люди шумели, возмущённо кричали, кругом раздавалось непонятное слово: *Streik!* Наконец я поняла: это была забастовка железнодорожников!

А потом произошло чудо. Может быть, единственное чудо в моей жизни. Это было так: я остановила какого-то человека в форме, пытаюсь спросить на школьном немецком, что мне делать, а он понимал по-русски. Привёл меня в комнату начальства, и там мне написали на листке бумаги особый, невероятный пропуск. На двух языках, по-итальянски и по-немецки стояло: *госпожа Арро из России, ищет дочь, конечный пункт Райхенау. Проводите и пересаживайте! Забастовочный комитет.*

Как жаль, что позже я потеряла этот замызганный пропуск, который долго хранила! А дальше всё шло как по маслу! В Венеции меня посадили на паровоз! Зелёный баул бросили следом. Потом было 5 пересадок, на которых сильные молодые мужчины в рабочей форме с улыбкой и сочувствием перетаскивали меня и мой багаж. Это явно была акция времени, принятие Европой обновляющейся России! Мне говорили: «*Vivat Russia! Grüßen Sie Gorbatschov!*»

На некоторых станциях я должна была ждать. Последний поезд был грузовой подкидыш с единственным пассажирским вагоном. Он шёл в австрийское депо. Когда он наконец остановился на маленькой станции Райхенау, в окно я увидела свою дочь, держащуюся за велосипед маленькую девочку лет 15-ти. Да ей и было 18. Сердце выпрыгивало. А я за ним.

Никогда не забуду эту простую рабочую солидарность, человечность и доброту самых разных людей, проявившиеся в начале перестройки. Это внимание ко мне было просто сочувствием к России во времена надежд на обновление страны. Постепенно оно, конечно, ушло, растаяло после ряда ошибок и нелепиц российских руководителей и пропагандистских трюков западного мира и США, снова увидевших «империю зла».

Моя юная пара жила уже в уютном отеле, куда их пригласила владелица отеля, добросердечная пожилая дама, которая их кормила и не брала с них денег. Мои ребята жили на третьем этаже в просторной комнате, а на двух пролётах лестницы висели акварели, написанные моей дочерью. Начался этот случайный бизнес с того, что за пару месяцев до моего приезда, выйдя на пленэр с этюдником, она остановилась у понравившегося ей дома и стала его зарисовывать. Из дома вышли хозяева и осторожно начали заглядывать из-за плеча. Потом попросили продать акварель. Когда я приехала, оказалось, что с моей дочерью здороваются встречные и приглашают в гости! Позднее местное отделение банка устроило выставку ее рисунков и акварелей, о которой даже появилась статья в местной газете.

Через неделю меня проводили до аэропорта. Позднее ребята переехали в Германию. Летом 1990 года за дочерью последовал сын с семьёй, в которой было трое маленьких детей. Я уже понимала, что мне надо быть рядом с детьми и внуками. Весь год ушёл на мои пенсионные справки. Одной из советских благ была пенсия в 55 лет для женщин. Мне надо было выбрать, какую пенсию оформлять: преподавательскую или литературную. Я выбрала вторую, с большим стажем, но это был длинный ряд разных мест, откуда нужно было получать справки. Потом начались очереди в немецкое консульство на ул. Петра Лаврова, (теперь Фурштатской,

как когда-то). Казалось, что уезжает полгорода. Литературные дела скисали. Всё вокруг то ли обновлялось, то ли гило.

Потом дочь обосновалась в немецком городе Висбадене. Я сидела в ленинградской Публичке, которая, – о, радость! – работала, не закрывалась, как многое кругом, и читала о Висбадене всё, что можно. Как ни странно, это были путеводители, написанные докторами. Странности объяснились потом.

Сын с семьёй жил в общежитии немецкого города Нойсса в ожидании жилья. В начале августа я одна поехала попрощаться в наш деревенский домик под Суздалем. А на следующее утро... Я включила прокатный мини-телевизор, и вместо утренней передачи услышала сплошное «Лебединое озеро». Подумала: что-то случилось! Мгновенная мысль была: случилась беда на уровне государства, закроют границы! Я не увижу детей! Я стала собираться. Всё бросив, кинулась в дорогу. Когда села во владимирский автобус, прозвучало слово, которое я предвидела: *путч!* Билетов до Москвы не было. Но в вокзальной службе у меня были друзья. Всё ещё было по-русски, по пословице не имей сто рублей, а имей сто друзей. Мне *организовали* билет, посадили на поезд, в купейный вагон. В коридоре стояли военные в форме, все тихо и тревожно переговаривались. Я слышала их и поняла, что всех отозвали из отпусков.

Приехав в августовский Ленинград, (который через месяц, 6 сентября 1991 года вернет свое историческое название Петербург), я влилась в город, который был против путчистов, пережила эту невероятную неделю, была с демонстрантами на Дворцовой площади, и всё-таки решила как можно скорее оформить гостевую поездку в Германию. Быстро не получилось. Я узнала, что дочь ждёт ребёнка. Кто, кроме меня, ей поможет?

Только в декабре я наконец получила визу и документы для поездки в гости в Германию. Две недели жила у сына в общежитии, где я была шестым жильцом и спала на раскладушке. Ходила на бесплатные первоначальные курсы немецкого языка, там собирались люди самых разных национальностей, и это было весело. Потом переехала к дочери в Висбаден. У них уже была небольшая квартирка из двух комнат. Там мы встретили Новый 1992 год. А через месяц в Висбадене родился мой внук Виктор.

Гостевая виза моя заканчивалась, но дети меня непустили. Общими усилиями сын и дочь смогли убедить чиновников, что без меня им никак. Потом в Висбадене я получила так называемый вождеденный ПМЖ: постоянное место жительства. Таким было моё «Прощание славянки». Славянкой я была в Суздале. В Петербурге самоощущение было иным. Биография и жизнь переломились почти пополам. На этом событии в моём повествовании биографическая часть закончивается. Начинается знакомство с Германией.

Что за Висбаден? Гений места города

В сегодняшней современности, в последнее тридцатилетие, перешагнувшее из советского времени в хаос поисков нового пути, безусловной победой стал поток свободной от цензуры ранее недоступной литературы. Пожалуй, главное её направление – история нашей страны, очищаемая от идеологических искажений и мифологем.

Одной из существенных тем стало знакомство с царским семейством последних двух веков, – ранее оно представляло гигантское белое пятно, теперь же оно постепенно закрашивалось разноцветной палитрой, исключая чёрную и красную. Иными словами, в притоке новых знаний, возникающих из свободной и честной литературы, мы узнаём и воспринимаем не кровавых монстров во главе государства, а живых и более понятных людей, любящих Россию и заботящихся о ней. В советские времена нам были доступны сведения и истины только весьма старые, преимущественно XVII и XVIII веков, которые всё равно подвергались концептуальной обработке, но «царская тема» XIX и XX веков была искажена уже чудовищно, подогнана под надуманные «точки зрения» мастеров идеологии, т.е. массового оболванивания людей ради нивелировки сознания.

Сегодня рождается новая историческая литература, в основном свободная от старых схем. Как ни странно, часто она не только новая, но и старая, утаённая, вытащенная из опломбированных мешков с надписями о запретах из старых библиотек и спецхранов. Мы получаем новые знания от давно забытых старых. За последние 30 лет появилась громадная масса литературы, вытащенная из архивов, из опечатанных и запертых шкафов книжных хранилищ страны. Засекреченная, заштампованная цензорами или приказами сверху, спрятанная политиками, тайными читателями или букинистами, сохранённая как ценные иконы во времена раскола, увезённая в эмиграцию или даже закопанная в землю. Правда прошедших лет – это потаённая Атлантида, всплывающий материк. Необходимо знакомиться с ним.

Вспоминая российские царские времена, мы хотим знать правду, понимая, что богатые тоже плачут, что термин «Кровавые» им не подходит. Сегодня вряд ли кто-то хотел бы вернуться в те давние дореволюционные годы, но прошлое уже нельзя зачеркнуть, оболгав, как это делалось по-советски.

Моё личное знакомство с Европой продолжилось в Германии, в городе Висбадене. В Висбадене я осталась в своей России, не уходя от неё, счастливо увидев нерасторжимую связь этого немецкого города с Россией. Для каждого русского немолодого гостя, всю жизнь запертого на замок своей страны, первое знакомство с любой заграницей – это шок и стресс. Ты где-то на луне и ничего не понимаешь. К счастью, первоначальный удар и обморок быстро проходит, и ты начинаешь оглядываться и понемногу привыкать к доброжелательным и улыбающимся лицам вместо трамвайно-тролейбусного привычного хамства, которое, кстати, сегодня и в России почти исчезло. Началось постижение Германии.

Несколько центральных улиц практически в любом городе – пешеходная зона. Никто не торопится, люди просто гуляют, прогуливаются. В выходные – шляют. Кстати, это разговорное словечко возникло от немецкого глагола “schlendern” – (шататься, плестись без дела, шляться). Глазеют по сторонам, на витрины, заглядывают в магазины, которые всюду, включая и гигантские многоэтажные супермаркеты, ну, а там просто особые миры.

Сейчас, почти через 30 лет, думаю, половина российского населения где-нибудь за границей да побывала. Да и в России такого понастроили, что иной раз и переплюнули. Громадная разница только в том, что России-то как раз нет, а есть непонятная СНГ, то ли капиталистическое, то ли феодальное государственное образование, где масса сверхбогатых – и сверхбедный народ, которого давно приучили «выкручиваться», а не жить. Впрочем, знания мои о родине уже неживые, виртуальные. Скайп, интернет, телефон, TV, газеты, электронная почта. Этого

немало, но это мёртвые знания, иммигрантские, несмотря на широту возможностей. Без воздуха родины не понять, чем дышат люди. Так что пока тему отставим.

Начало моего знакомства с Германией – январь 1992 года. Мы в центре Германии и Европы. Земля Гессен (Hessen). Висбаден (Wiesbaden) – столица Земли, одна из 16. В прошлом – знаменитый мировой курорт, сегодня – зелёный оазис в индустриальном рейнско-майнском регионе. Флер и прелесть прошлой славы разлита в воздухе города, в его особой атмосфере, в его топонимике и архитектуре.

Географические официальные данные: Висбаден расположен в юго-западной центральной части Германии, на Рейне, 54 градус с.ш. и 25 градус в.д., на высоте 117 м над уровнем моря, у подножия горного хребта Таунус, защищающего город от северных и северо-восточных ветров. Рядом расположена знаменитая виноградная долина Рейнгау – центр немецкого виноделия. Висбаден знаменит как курорт мирового значения благодаря минеральным источникам, счастливому природному положению, мягкому климату. В путеводителях начала XX века о Висбадене писали: «Совершенно свободный от пыли воздух». Сейчас на земле таких мест не стало. Население – 270–280 тыс. жителей. Серьёзной промышленности почти нет. С 1946 года Висбаден – столица земли Гессен.

Теперь данные личные, эмоциональные и субъективные: прожив в Висбадене больше десяти лет, прокопав его замечательные библиотеки, особенно краеведческий раздел, поведив экскурсии по немецким городам и весям для появившихся здесь российских людей, желавших понять, где же они очутились вместе со своей негативной памятью о Германии, которой предстояло улетучиться из многих патриотических голов, я поняла и могу утверждать: Висбаден – один из самых прекрасных, своеобразных и удивительных немецких городов с особой славой. Город не только немецкий, но европейский. Вслед за великим европейцем Гансом Андерсеном, с удивлением начавшим одну из блистательных своих сказок словами «В Китае все жители китайцы и сам император китаец», мне тоже хотелось бы высказаться в унисон любимому Гансу, но нет, это будет не просто ошибкой, но враньём. В Германии XIX века, главном пункте моих рассказов и пристрастий, пожалуй, и были такие сказочные города, так исторически сформировавшиеся, но в Висбадене с гостями города было всё наоборот. Приезжающих надолго, на месяцы и даже годы или навсегда, гостей из разных стран бывало больше, чем местных жителей!

Город слыл мировой природной лечебницей и был ею. Не госпиталем, не больницей, а курортом с исцеляющей термальной водой. В Висбадене и окрестных городках гости из разных стран любили подправлять святой немецкой водицей свои чресла. Но как же жаль, что сегодня главные потоки этой исцеляющей воды утекли неведомо куда! Впрочем, ведомо. Ниже расскажем об этом подробнее.

А Висбаден стоит на своём историческом месте, почти не изменившись за два последние века. Моя жизнь в Висбадене была наполненной и интересной, а главным занятием моим в это первое благословенное время было катать коляску с внуком и изучать город. Посему у моей книги есть замечательный соавтор: мой внук. В его трёхлетнем возрасте мы любили сесть на какой-либо городской автобус и катить в нём куда глаза глядят, чтобы узнать город со всех сторон, со всеми его окраинами. Нам было весело и интересно.

Висбаден очаровывает. Тишиной, если ступишь на боковую от пешеходной зоны улицу. Зеленью бульваров и неогороженных палисадников. Чистотой улиц и сияющих окон. Уютом и домашней прелестью. Роскошью и великолепием окраинных вилл. Почти отсутствием города в урбанистическом смысле. Свообразием лица. Этот город любили немецкие романтики. Им были пленены Бальзак и Достоевский. Его любил Гёте. Он проводил в Висбадене лето 1814 и 1815 годов, и оставил о нём такие поэтические фразы: «Можно в Висбадене пробыть только четверть часа, чтобы увидеть всё великолепие мира». И другой афоризм восхищенного Гете, который хочется повторить каждому свидетелю этих красот: «Когда увидишь Рейн с высоты

Висбадена, от Оппенгейма и Майнца до Эльтвилле, текущий мимо них и охватывающий большую долину и втягивающий ряд местечек, тогда и узнаешь, для чего даны глаза».

Давно известно, что города, как люди, имеют свою судьбу. Именно люди, яркие и необычные, нередко загадочные и таинственные, определяют душу города, оставляют неповторимый отпечаток на облике города. Он почти неуловим, это особая аура каждого города, только данному городу свойственный дух, неисчезнувшие следы гениев места обитания, оставивших незримую память о себе. Люди вдохнули воздух города, а свой выдох оставили на городских камнях, как печать избранности. Этот сгусток своеобразия, тайну обаяния города древние называли *Genius Loci*, а философы, писатели, историки более поздних эпох переводили это понятие – на разных языках – как «дух места», «божество места» или «гений места».

Специалистом по таинственной урбанистике – истории и духе города, города вообще – был русский историк и учёный Николай Павлович Анциферов (1889–1958), ученик основоположника урбанистики средневековых городов, профессора петербургского университета Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). Анциферов дал новую жизнь старым формулам. В 20-е годы в большевистской России он создал Экскурсионный институт, который, увы, вскоре закрыли и запретили как классово чуждый. Николай Анциферов дал своё понимание термина, может быть, наиболее созвучное русскому языку: «душа города». Свою книгу о городе, в наибольшей степени обладающем особой одушевлённостью, отодвинутой от материальности, он назвал «Душа Петербурга». Анциферов сумел соединить краеведение с философией, поднял краеведение до литературной субъективной эссеистики, дал крылья локальному творчеству исследователей и певцов родных мест. Самому же создателю нового направления и его соратникам крылья подрезали. Отправили на Соловки.

Запрещённую книгу Н. Анциферова «Душа Петербурга» давным-давно дал мне, школьнице 7-го класса, детский писатель Виталий Валентинович Бианки. Когда-то, может быть, в воспитательных целях меня отправили в гости для знакомства и разговора к Виталию Валентиновичу на Вторую линию Васильевского острова. Замечательный детский писатель-натуралист объяснил мне хитрости и тонкости изучения природы и города: душу леса и душу города нужно учиться видеть через детали и подробности. И добавил: Да я дам тебе одну книжечку... Это был запрещённый тогда Анциферов. Изъятый из библиотек. И детский писатель Виталий Бианки, друг Хармса и Николая Олейникова, прекрасных поэтов и писателей, писавших для детей и взрослых и сгинувших в пространствах Гулага, не побоялся, дал. Правда, строго добавил: Чтобы из дому не выносила.

Знакомясь с Висбаденом, я не раз вспоминала о Николае Анциферове. Этот гостеприимный город существует в астрале литературы, истории, человеческих страстей и надежд. Мне, его недавней жительнице, необходимо найти «гения места» Висбадена, особенно в пересечении русской и немецкой культур. Достоевский был первым, кто вспомнился при упоминании слова «Висбаден». Попытка уловить и поймать дух и душу города, его *Genius Loci*, обрела свои силуэты. Великий русский писатель уже неотделим от немецкого города Висбадена. Однако мы начнём с истории Германии, предворяя историю города и его «гениев места».

Пара рваных лоскутов европейской истории

Нет этой истории, говорят новейшие немецкие историки. Нет даты начала «немецкой» истории. Нет ясности о том времени, когда Германия стала Германией и обособилась немецкая, германская нация. Эта неясность времени обособления наций относится ко всем народам Европы.¹

Но всё-таки какие-то вехи общеевропейской истории стоит увидеть и уяснить для того, чтобы понять становление страны и городов, в частности, Висбадена, естественно связанного с историей Германии, настолько своеобразной и разнообразной, что её как бы и нет, как лукаво утверждают современные историки. Немцы и французы, франки, голландцы и датчане, и прочие европейские мигрирующие поселенцы, которых трудно было называть жителями, имели общие исторические корни. Раздел, размежевание, осознание себя как нации и как государства – долгий исторический процесс. Его начальная точка – Верденский договор 843 года. Он оговаривал раздел общей территории приблизительно на романскую западную часть и так же приблизительно – на германскую восточную, а между ними возникла средняя смешанная.

Рождение нации происходило во времена средневековья, которое немецкие историки делят на три этапа: Раннее, Высокое и Позднее. Соответственно это первое тысячелетие: X–XI века – Раннее; XII – Высокое; XIII–XIV – Позднее средневековье. Стремление к государственности началось в V веке с распада Римской Империи. Новорожденная Германия, которой ещё не существовало, стала называть себя вслед за Римом тоже Священной Римской Империей Германской нации, и сохранила это официальное и забытое название до ...1945 года! Множество отдельных германских княжеств то возникало, то падало, и общее их количество называют различно, соответственно годам существования: то 39, то 25 и т.д. Иногда немецкие историки просто избегают неудобный вопрос о числе княжеств, герцогств или даже государств Германии. Борьба за власть с переменным успехом шла между папством и императорами или королями. Из франкского дворянства выделился слой элиты, из которого пошли французские и немецкие княжеские династии. Линию Меровингов сменила Империя Каролингов, это будущая Франция. На смену им пришли Оттоны, против которых восстали римляне. Потом началось время крестовых походов, когда под Веной был взят в плен немцами сам Ричард Львиное Сердце, король Англии, отпущенный однако за выкуп.

Началом немецкой истории историки упрощенно считают начало правления саксонской династии, первым королём которой был Генрих I, это X век. Избранный франками и саксонцами, он сумел утвердить свою власть в Баварии и Швабии. Упомянутым Верденским договором 843 года Генрих I разделит Франкию и Саксонию, т.е. возникающие Францию и Германию. Его сын Оттон и его преемники продолжили становление Германии. В эпоху Высокого средневековья к власти пришла династия Гогенштауфенов. Наиболее знаменит из королей этого периода Фридрих I Барбаросса, воинственный император, правящий в течение 40 лет. Он предпринял 4 итальянских похода и разрушил Милан. В эти же времена начался расцвет немецких городов. Самым большим городом к началу XIV века был Кёльн, в котором насчитывалось 35 тыс. жителей. Но в большинстве городов, несмотря на их гордое название, было около 2 тыс. населения. Идеалом населения в это время было рыцарство, принадлежать к которому желал каждый мужчина.

В XIII веке было создано первое межгосударственное объединение: Рейнский Союз городов. Короля начали выбирать. Первым выбранным королём Германии стал Рудольф Габсбургский, а вторым – Адольф фон Нассау, он побыл королём короткий срок, 6 лет, с 1292 до 1298

¹ Херманн У. Что такое «История Германии»? Краткая история Германии. Группа авторов. Пер. с нем. Stuttgart. Philipp Reklam Jun. 2003 // С.-Птб, Евразия. 2008. С. 5

года, был убит соперником, но его правление стало образцом для последующих королей, в особенности, для одного из героев нашего повествования, Адольфа фон Нассау XIX века. Следующим стал снова один из Габсбургов, которые преобладали во власти с переменным успехом в соперничестве с другими династиями в течение трёх столетий, а некоторые фигуранты из этой династии дожили до XX века.

XIV век считается кризисным в немецком средневековье, чума прокатилась по всей Европе страшным опустошением. Когда она улеглась, в народе начались массовые покаяния и самобичевания, а также жестокие еврейские погромы, потому что, кто же, если не евреи, могли отравить колодцы, от чего и появилась чума. В наше время этот бред получил вполне адекватное, полное хлесткого юмора, народное высказывание: Если в кране нет воды, значит выпили жида.

В XIV веке был принят закон под названием Золотая Булла, который регулировал избрание германских королей. Выборщиками были курфюрсты², князья трёх городов поочередно, это были архиепископы Трира, Майнца и Кёльна. Соперничество королей и церкви было главной пружиной развития или упадка городов и королевств.

Подавляющее большинство населения средневековой Европы было неграмотным, однако элита становилась читающей и образованной вместе с изобретением книгопечатания Гутенбергом. Из почтения к Гутенбергу немного подробнее о нём.

Уроженец Майнца, сугубо церковного города, на левом берегу Рейна, из семьи местных аристократов конца XIV века. Уже в молодости он пыллив и умён, изобретателен, создавал открытия в собственной мастерской. Его отец против подобного ремесла, не свойственного патрициям, поэтому сын ушёл из дома, зачеркнув отцовскую фамилию и взяв фамилию матери: Гутенберг. Только эту фамилию знает мир. Его изначальная цель многие годы – тайна, о которой не знает никто. Он опасался воровства своей засекреченной идеи: поисков техники движения литер, т.е. букв. В моде тогда переписчики рукописных книг, грамотеи, становящиеся богачами. Гутенберг делал отливки букв и стремился найти способы их движения. Он взял за исходный механизм виноградный пресс. После долгих опытов литеры начали двигаться!

Поскольку год его рождения спорен, принято считать, что он родился в Майнце на рубеже веков, в 1400 году, а умер в 1468, также в Майнце. Первый типографский станок он изобрёл в 1444 году. Ему нужны были деньги и помощники. Гутенберг уехал в Страсбург, где нашёл трёх компаньонов, научил их обрабатывать драгоценные камни, делать зеркала. Сам золотых дел мастер, ювелир, он продолжал тайно улучшать свой первый типографский станок.³ Начал печатать Библию! Пришлось взять денег в долг и рассказать, ради чего просит денег. За 5 лет он напечатал половину Библии. Работал попрежнему тайно, оберегая своё изобретение, своё сокровище. И тут заимодавец Фауст (до Гёте ещё четыре столетия) потребовал деньги назад и с процентами. Гутенбергу пришлось рассказать компаньонам о своём изобретении. Началось то, что он предвидел! Обман и мошенничество. Компаньоны объявили себя авторами изобретения, настоящий автор отодвинут. Гутенберг разорён и изгнан. Покинул родину, потерял семью, стал нищим. Но именно он – великий преобразователь мира! Он первый напечатал несколько книг. До Гутенберга все книги были рукописными. Представьте себе, что способ книгопечатания Гутенберга просуществовал до XIX века! Его беды – история старая, как мир. Уже в XV веке эти опасные добродетели цвели пышным цветом! Обман, подстава, махинации с деньгами. Талантливый человек обычно не может справиться один в такой ситуации. Но у Гутенберга нашёлся спаситель и покровитель: курфюрст государства Нассау Адольф III, граф

² Курфюрстами называли князей-выборщиков Священной Римской империи, за которыми закреплено право избрания императора на вакантный императорский престол. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. С.-Птб, 1896. Т. 33.

³ См: *Тиссандье Гастон*. Мученики науки. Капитал и культура. 1995. С. 137– 141.

Нассау-Идштайн (1443–1511).⁴ Он постоянно жил в Висбадене и был сильнейшим из всех висбаденских регентов, укреплявших государство. Великодушный принц Адольф цу Нассау дал Гутенбергу пристанище. Майнский архиепископ тоже оказался на высоте, выделил изобретателю пожизненную ренту, включающую вино и придворное платье. Когда секрет технологии книгопечатания был открыт даже недругам, Гутенберг уже ничего не скрывал, а наоборот помогал тем, кто хотел печатать книги. Это было в городах Бамберге и в Эльтвилле.

Вслед за книгопечатанием пришли университеты. В XV в. появился противовес невежеству: открылось множество университетов. Перечислить их после слов о жулье средневековья – большое удовольствие: Прага – 1348 год, Вена – 1365, Гейдельберг – 1386, Кёльн – 1388, Эрфурт – 1392, Лейпциг – 1409, Росток – 1419, Левен – 1426, Грайфсвальд – 1456, Фрайбург – 1460, Базель – 1460, Ингольштадт – 1472, Майнц – 1476, Тюбинген – 1477. Каждая четырёхзначная цифра – год возникновения нового Уни, как принято в современной Германии называть университет.

Массовое появление во времена Позднего средневековья университетов меняло картину. Княжества расширяли экономические возможности, появилась наука. Значит, появлялось государство. Феодалные отношения распались, барщину заменил оброк. Росли города, в которых возникали помещения для государственных собраний и дискуссий – рейхстаги. Но в них часто главенствовала Церковь, папство. Церковь обещала человеку спасение души и гарантию ухода от пламени чистилища при покупке индульгенции, что, конечно, было бесчестным обманом ради наживы.

В ответ в 1517 году монах Мартин Лютер (1483–1546) выступил с 95-ю тезисами против торговли индульгенциями, и тут же Лютер был объявлен еретиком. Посмотрите внимательно на первую цифру: Германия отметила в ноябре 2017 года невероятную дату: 500 лет Лютеру! Отречься от этой «ереси» он отказался. Так началась новая эпоха в религии Европы – Реформация, Лютеранство, Протестанство. В результате споров и диспутов, неудавшейся попытки изгнания Лютера, произошёл религиозный раскол, который закончился через 37 лет в 1555 году принятием и провозглашением в Аугсбурге религиозного мира. Страна разделилась на католиков и протестантов, также называемых лютеранами или евангелистами. Человек получил свободу выбора религии. Наряду с католическими кирхами появились протестанские церкви. Иногда целые города переходили в протестанство, но тогда там строились и католические храмы для тех, кто оставался католиком. Позднее были признаны законной религией кальвинисты, одна из ветвей протестантства.

Стоит сказать, что принятие Реформации не спасло Европу от такого психопатического явления, как вспышка религиозного беснования. На рубеже XVI–XVII веков враждебность между конфессиями создала суровый религиозный климат с надзором за поведением людей в частной жизни. Этот дух эпохи вызвал эпидемию религиозного безумия, а затем реакцию на него – охоту на ведьм. Церковь приговаривала людей, в которых «вселились бесы», к сожжению на кострах. Факт общеизвестный по школьным учебникам. Здесь важно осознать его причину и психологию толпы. Надо сказать, что средневековье с удовольствием мучило людей. Чтобы понять это, стоит посетить один из довольно популярных музеев криминалистики, как корректно называется музей пыточных приспособлений в чудом сохранившемся средневековом музейном городке Ротенбург на Таубере. Изошрённость железных и медных изделий, причиняющих боль при движении, ужасает. Хотя, надо сказать, масса кратких отзывов, оставленных молодыми любознательными туристами из России, не менее поражает весёлым легкомыслием.

⁴ *Even P.* Die Herren zu Wiesbaden und ihre Stadt. Grafen, Fürsten und Herzöge zu Nassau. Das Erbe der Mattiaca. Wiesbaden 1992 / *Эвен П.* Господа Висбадена и их город. Графы, князья и герцоги Нассау. Там же. Глава 7. Адольф III. Наследие Маттиаков, Висбаден, 1992. (Перевод А. В. Арро).

В общем, дети чёрных комнат не боятся. Они научились летать на крышах поездов. Но мы знаем, чем оканчивается молодое бесстрашие.

Европейский XVII век отметился опустошительной «Тридцатилетней войной», которую немецкий писатель Томас Манн назвал Первой европейской мировой войной. Она захватила в целом всю первую половину века, 1618–1648 годы. Началась эта война «бузой». Война выравнивала интересы почти всех европейских стран, не все из которых были тогда странами. Одной из главных нерешённых проблем времени оставалась религия: католическая церковь начала борьбу за утраченное влияние. Наступила эпоха контрреформации. В результате долгой войны север и центр Германии стали, в основном, лютеранскими, а юг сохранил католичество. Эта война подрывала устои государства. Одни княжества бедствовали, другим война была выгодна. Участники «Тридцатилетней войны»: Швеция, Чехия, Швейцария, Нидерланды, Дания, Франция, Германия. Это была борьба за размежевание границ, за религиозную свободу и независимость. Вместе с военным разорением снова пришли чума, голод и гибель людей. Облик Германии и других стран Европы менялся. Земли, по которым проходили войска, даже не воюя, тоже испытали почти полное разорение и разграбление. В результате «Тридцатилетней войны» были узаконены в правах независимых стран Швеция, Нидерланды и Дания. Победителями в войне стали Швеция, захватившая ряд чужих земель, и Франция во главе с кардиналом Ришелье. Победители стремились к ослаблению Габсбургов и преуспели. Кажется, с романами Дюма исторические факты мало согласуются, но как горячо все мы в детстве любили мушкетёров Франции, которые, между прочим, разорили немало прекрасных старинных германских замков, построенных в XII–XIII веках по обе стороны Рейна. Сейчас замки на Рейне, в основном, их руины – всё равно великолепная часть Мирового наследия, охраняемая Юнеско.

В 1648 году после окончания войны был заключён в Германской Вестфалии всеобщий Вестфальский мир. Началось возвышение отдельных германских Земель: Пруссии, Баварии, Вестфалии. Другие, более мелкие Земли, испытавшие большие потери населения, доходившие иногда до 90%, долго не могли избавиться от катастрофических последствий войны – чумы и голода. Часто из этих мест люди бежали, искали другого пристанища. Возникла и религиозная причина массовых побегов, миграции протестантов из Нидерландов в Германию после отмены Людовиком XIV Нантского эдикта, который гарантировал гугенотам, французским протестантам, свободу вероисповедания. За границу вынуждены были бежать более 300 тысяч человек, в том числе 40 тысяч бежали в Германию. Немецкие историки приводят интересный факт: в 1700 году треть жителей Берлина были французами по происхождению.⁵ В конце XVII века Пруссия открыла границы для евреев.

Вестфальский мир подтвердил победу над Габсбургами. Казалось, что их правление заканчивалось. Усилившиеся германские государства тяготели к созданию монархии, при которой появились и придворные общества, и княжеские резиденции. Создавались целые города-резиденции, большинство из которых подражали Версалию, дворцу Людовика XIV. Начиная с XVI века среди князей немецкой империи возникло стремление к ничем не ограниченному формам господства, которые сейчас называются абсолютизмом. В конце XVI – начале XVII веков во многих абсолютистских княжествах появилась деликатная проблема: вследствие тесных брачных связей господствующих правителей, нередко родственников, между правящими домами Европы участилось вымирание легитимных династий, и на одно и то же наследство претендовали несколько государств с равными правами. Поэтому основным типом войн в эту эпоху стали войны за наследство. «Наследством» являлись сами княжества, земли, государства, территории. Северная война, длившаяся более 20 лет, была войной за наследство, за господство на Балтике. В XVII веке разгорелась война за Пфальское наследство, длившаяся 9 лет. Долгой и многосторонней была война за испанское наследство, в которую в течение 15 лет были

⁵ Гестрих А. От Вестфальского мира до Венского конгресса. Указ. изд. С. 187.

втянуты в начале XVIII века почти все европейские страны. Победителем в конечном счёте оказалась Англия, при том что об «испанском наследстве», как мне кажется, участники войны в её конце просто забыли. Слишком долго воевали. В результате самыми мощными немецкими государствами стали Пруссия и Австрия.

И всё же XVIII век в Европе был веком Просвещения, это его главный вектор. Центром этой идеи был новый университет в городе Галле. Основывались новые школы, в том числе для сирот, в Пруссии было введено обязательное школьное образование. В 1700 году в Берлине была основана Академия Наук. В 1737 году основан университет новой формации в Геттингене. На него через столетие откликнулась душа пушкинского Ленского, да и самого Пушкина, конечно. Самый популярный философ века – Иммануил Кант, провозгласивший Просвещение лозунгом молодой Германии. Эпоха Просвещения – это господство разума, вера в его могущество, борьба с предрассудками во всех областях религии и общества, вера в самосознание и достоинство человека. Кант выразил смысл эпохи Просвещения в знаменитом определении: это «выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине»⁶.

В повседневной жизни людей в XVIII веке произошли значительные перемены. Интересно, что для большинства населения появилось так называемое «народное Просвещение»: народные школы и «общества чтения» (Lesegesellschaften). Граждане создавали Общества для совместной подписки на газеты и журналы, на библиотеки, чтения и совместные обсуждения прочитанного!⁷ Дорогие читатели, не могу воздержаться от удивления! Это же не XVIII век, а наш с вами советский XX! Оказывается, всё это было придумано разумными немцами в XVIII веке! Насколько это явление было широким и общепризнанным, объясняет историческое определение – «читательская революция».

В это время возникло философское понимание исторического процесса и прогресса, появилось понимание скорости и динамики; восприятие времени и пространства. «Божественный план» строительства Вселенной стал более прозрачным. «Мир старой Европы остался в прошлом, и история перешагнула порог современности»⁸ – такова оценка немецкими историками событий XVIII века.

Пробежка по немецкой истории привела нас наконец к XIX веку, главной теме общения и связей России и Германии, которую намерен представить автор.

⁶ Гестрих А. Там же. Указ. соч. С. 217.

⁷ Там же. С. 221.

⁸ Там же. С. 213.

Французы тут как тут

В последнем десятилетии XVIII века старую Европу всколыхнули два грозных события: французская революция и вслед за ней начало наполеоновских войн. Заволновавшись, отозвались и другие страны, в том числе Германия. Многим импонировали идеалы свободы, равенства и братства. Как они заразительны и как они обманны, мир понял в полной мере уже в наше, современное время.

Немецкие интеллектуалы положительно оценили первый этап Французской революции. Но якобинский её период оттолкнул и отрезвил. На волне революционных настроений даже католический город Майнц, сосед протестантского Висбадена, сгоряча провозгласил себя республикой, но немецких якобинцев хватило только на полгода. Все страны империи тогда объединились против Франции, трижды создав антифранцузские коалиции. Франция объявляла войну за войной, выигрывая их. Тогда на арену выступила Россия. Некоторым русским аристократам тоже нравились красивые слова о свободе. Помните восторги молодого Пьера перед идеями Наполеона? Но как же всех раздражали бесполовые действия русско-немецких генералов с их приказами: «Die erste Kolonne marschier! Die zweite Kolonne marschier!» Это как раз время Второй и Третьей Наполеоновских войн, второй и третьей антифранцузских коалиций, закончившихся победой Наполеона и мирными договорами с потерей Германией левобережья Рейна.

«Воцарение Александра I совпало с моментом, когда на политическом горизонте загорелась новая звезда; Французская революция, выйдя из первоначального русла, грозила разлиться опустошительным потоком по всей Европе. Наполеон в 1802 году стал пожизненным консулом; его завоевательные планы грозили дальнейшим изменением политической карты»⁹. Тот же видный историк, чью цитату вы читаете, заканчивая в эмиграции в Праге после революции большевиков свою «Историю России», над которой работал долгую жизнь, напомнил русскому читателю о «взрыве негодования» Наполеоном в монархической Европе начала XIX века из-за казни корсиканцем герцога Ангиенского в 1804 году. Тогда же в ответ на протест русского правительства по поводу казни ему «едко заметили», что Франция не требовала отчета в смерти императора Павла и виновных в ней. Александр понял злой намёк и никогда не простил его Наполеону.

Во многом судьба Европы во время катастрофических войн зависела и колебалась от взаимоотношений этих двух личностей – Наполеона и его антипода по характеру и идеалам – Александра I. Александра подвела самоуверенность и иллюзорное представление о силе русской армии, а также некий романтизм характера при полном непонимании реальности. Он поехал в Берлин и в Потсдаме у гроба Фридриха II поклялся королю Пруссии Фридриху Вильгельму III в вечной дружбе. Сам же Фридрих Вильгельм вёл двойную игру, угождая то Наполеону, то Александру – в зависимости от ситуации. В трёх последовательных битвах на полях Европы, далеко от России, Русская армия в начале века потерпела страшное поражение. В 1805 году под Аустерлицем пало свыше 20 тысяч русского войска. «Хотя Верховное командование принадлежало Кутузову, фактически распоряжались другие, сам же Кутузов не имел власти. Потрясенный несчастьем, физически и морально разбитый, Александр оказался не в силах ехать далее, слез с лошади, беспомощно опустился на землю, закрыл платком лицо и залился слезами»¹⁰. Кто же не помнит, как кружились над головой Андрея Болконского облака и вершины берёз, когда он падал тяжело раненным, прощаясь с жизнью! Лучшие страницы русской классики говорят нам об истории на языке чувств. Но пока нам нужен язык истории.

⁹ Шмурло Е. Ф. История России. М.: Аграф, 2001. С. 470–471.

¹⁰ Там же. С. 473.

Под Аустерлицем в «битве трёх императоров» сокрушительным поражением союзных войск завершилась война третьей коалиции. Через два года ещё две гигантских битвы 1807 года – при Прейсиш-Эйлау, январь, и сражение под Фридландом, июнь, завершили полное поражение русского войска. Лучшие генералы были ранены или убиты. Европейская империя распалась. Эти изменения происходили по мановению руки Наполеона, по его воле, под аккомпанемент его амбиций и желаний. При взгляде на эту невысокую фигуру, мы забываем критику теории культа личности, она умолкает.

Во Франции Наполеон объявил всеобщую воинскую повинность, а войну, которую он стилизовал под «крестовый поход ради свободы во всём мире», направлял против Австрии, Пруссии и Англии, которая выстояла. Австрия осталась без союзника и также заключила мир с Францией, потеряв часть территории. Тут вступили в войну против Франции Россия и Англия, и потерпели поражение. Это те самые войны первых лет XIX века, которые известны нам по саркастическому тону Льва Толстого в «Войне и мире». Наполеон, ставший Первым консулом Франции, разгромил и русские, и австрийские войска. На этом Пруссия потеряла ряд земель. В 1806 году из империи официально вышли, откололись 16 сравнительно небольших немецких княжеств, в Париже под патронажем Наполеона они подписали соглашение об образовании Рейнского союза. Это был как бы повтор старого средневекового Рейнского Союза. Англия оказалась в континентальной блокаде. Александру не помогло безосновательное воодушевление. Королю Пруссии не помогла двойная игра – обманные договоры с двумя противниками, Францией и Россией. Выход для Александра оставался лишь один: заключение мира с Наполеоном. 25 июня 1807 года был заключён Тильзитский мир.

По Тильзитскому миру Франция и Россия обязались иметь общих врагов. Наполеон требовал от Александра примкнуть к континентальной блокаде Англии в торговле. Оба друга-врага были начеку. Оба соблюдали лицемерную вежливость.

Наполеон долгое время вершил историю. Одним королевствам Наполеон приказал быть и процветать, другим – ликвидироваться. Особенно ярко это проявилось в Германии, которая исторически сложилась из множества крупных и мелких государств: княжеств, герцогств и королевств.

Он поднял Висбаден, сделал его из княжества герцогством, Дармштадт объявил ландграфством, и даже сегодня его бесправные с 1918 года ландграфы именуются именно так. После победы под Аустерлицем Наполеон осадил Вену. Австрия по сути сдалась, но это был не плен, а переход немецких австрийцев и немцев на сторону врага, что объяснялось и называлось разумным компромиссом. Германские земельные государства Баден, Бавария и Вюртемберг выступали на стороне Наполеона. Слово «предательство» немецкие историки не употребляют. Переход на сторону врага был вынужденным, значит, оправданным шагом. Нередко этот переход объяснялся симпатией к революционным лозунгам, к «Кодексу Наполеона», который уничтожал старый извечный феодальный порядок. Наполеон пресек поборы генералов, наказывал мздоимцев, устанавливал в малых немецких государствах новое, честное управление. Он вызывал восторг солдат своими высказываниями о том, что землёй должны владеть землепашцы, а не богачи-бездельники. В захваченных землях он уничтожил шайки разбойников. Солдатам он (конечно, не он, а его служащие по его приказу) платил приличное жалованье. Все эти действия вызывали горячий отклик в наёмных войсках.

Но Наполеон был нетерпелив, не выносил сопротивления себе, и понемногу люди стали от него отшатываться. Многие обещания оставались только на бумаге, не превращаясь в реальность. Например, может быть, главное революционное завоевание – отмена крепостного права, которое Наполеон провозглашал, видимо, в каждой завоеванной стране. В Пруссии 9 октября 1807 года король Фридрих-Вильгельм III по совету Наполеона обнародовал эдикт об уничтожении крепостного права и освобождении крестьян с землёй, но из-за оппозиции недоволь-

ных феодалов декрет остался мёртв, он просто остался неизвестным крестьянам, земли они не получили.

Как же в истории всё удивительно повторяется! Население вроде бы умнеет, прогресс движется, но в политической и общественной жизни без конца деятели натываются на те же грабли, которые уже били по лбам. Приглядимся к некоторым моментам наполеоновской республики с её деяниями. Цитирую: «Разъярённый упорным сопротивлением Англии, Наполеон вносил неслыханное упорство в войну, которую он повёл против английских товаров; от повышенных цен на сахар и кофе жестоко страдали потребители. На тайные склады английских товаров совершались обширные набеги: во Франкфурте, в Штуттгарте, Бадене, Мюнхене, Дрездене, Лейпциге, в ганзейских городах сжигались целые груды конфискованных товаров»¹¹.

Узнаёте? Оказывается, санкции – весьма старый способ давления на политику стран. А страдают только люди, причём, невинные, которые просто хотят есть и пить, просто хотят жить. Продолжим цитирование: «Запретительная система вызвала вначале известное оживление промышленности, но изделия, выходявшие из новых фабрик, созданных на скорую руку и плохо оборудованных, не находили покупателей, и фабриканты, стеснённые таможенными преградами, вскоре оказались разорёнными. Единственным источником дохода жителей была контрабанда, и они вели с таможенными досмотрщиками своего рода партизанскую войну, в которой чрезвычайно разгорались страсти».¹² Не только санкции плохи, но и их самозамещение – плохо забытая старая ошибка.

А переход на сторону врага, который немецкие военные в чинах и их солдаты неоднократно совершали в зависимости от воинских удач или провалов Наполеона, каждый мог объяснить моральными симпатиями или напротив, антипатиями. Другое дело, что неизвестно, требовались ли эти объяснения. Вполне возможно, что просто в течение боя происходили перебежки из одной армии в другую. Именно так было в битве при Ватерлоо. Потом это повторялось в России: сначала немецкие военные отряды вливались во французские, уже многонациональные, и стали получать жалованье, потом, с появлением побеждающей России, множество немецких отрядов и конкретных лиц с радостью вступали в императорскую армию, причем воевали честно и отважно.

Новые преобразования в разных государствах Германии были связаны с именем знаменитого до сегодняшних дней немецкого барона фон Штейна, именем которого сегодня названы в Германии некоторые улицы и школы. Барон провёл ряд управленческих реформ, в уставе городов возник принцип муниципального самоуправления. Наверное, главной реформой, инсценированной Наполеоном, была отмена крепостного права и принудительного труда крестьян на господ. Когда же по требованию Наполеона-победителя, барон фон Штейн был снят с поста министра, его дело продолжил Карл Август фон Гарденберг, который отменил обязательность принадлежности мастеров к цеху и в 1811 году провозгласил свободу занятий ремеслами. Впоследствии в Пруссии была проведена военная реформа и повышена мощь прусской армии. Только Наполеон просчитался: эта реформа усилила через год не его армию, а его противника Александра I, к кому устремились и прусские войска. «После катастрофы, которой обернулась для наполеоновской армии русская кампания зимой 1812 года, Пруссия возглавила восстание германских земель против Наполеона и стала движущей силой освободительных войн».¹³ Кстати, мне, естественной русской патриотке, в этой фразе немецкого историка видится явная недооценка «русской кампании 1812 года», которая спасла Европу от Наполеона. Без России что бы они делали?! Пруссия или Россия была движущей силой освободительных войн? Думаю, что ответ понятен и немцам, и русским.

¹¹ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Пер. с франц. Под ред. Е. В. Тарле. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1938. С. 29.

¹² Там же.

¹³ Гестрих А. Указ. соч. С. 254.

Как же начался поворот к освободительным войнам? К освобождению от наполеоновского диктата? Причин было достаточно. Основные – негодование Александра I Наполеоном, его возрастающей властью. Несколько конкретных поводов повлияли на изменение ситуации. Один из примеров – континентальная блокада, разорявшая русскую торговлю. Русское правительство разрешило привоз английских товаров под нейтральным флагом и обложило пошлинами предметы роскоши, от чего пострадала французская торговля. Возникло недовольство Франции, которого Александр уже ждал и приветствовал. В ответ Наполеон присоединил к Франции немецкие земли по берегу Северного моря: города Ганзы и Ольденбургское герцогство. В это время в России жил герцог Георг Ольденбургский, женатый на любимой сестре Александра I великой княгине Екатерине Павловне. Наполеон захватил земли зятя Александра! В Ольденбургском герцогстве жила семья Георга, отец и брат, которые вынуждены были бросить своих подданных, свой дом и ехать в Россию, спасаться от узурпатора. Александр I почувствовал себя глубоко оскорблённым.

«Таким образом, наполеоновская империя в конце первого десятилетия XIX века охватывала Францию, западную часть Италии, Бельгию, Голландию, устья рек Эмса, Везера, Эльбы и за Эльбой полосу Балтийского моря; затем бывшую немецкую часть левобережья Рейна, юго-запад Швейцарии. Косвенно в империю входили: часть Аппенинского полуострова, т.е. Неаполитанское и Итальянское королевства, также государства Рейнского союза, Испания, герцогство Варшавское на северо-востоке. Зависели от Наполеона также Дания, Швеция, Австрия, Пруссия. Совершенно независимыми оставались только Россия, Англия и Турция»¹⁴.

Поводов к разрыву между Францией и Россией, между Наполеоном и Александром, было много. Кроме уже названных реальных, были и субъективные, личные. Русский царь не поддавался нажиму и давлению, придерживался собственного мнения, не спешил выполнять просьбы и пожелания. Наполеон же, напротив, желал подчинить царя своей воле, в противном случае – искал предлог для разрыва. С конца 1811 года Наполеон начал собирать у самой русской границы значительные военные силы. Ввиду этих действий Александр стал принимать соответствующие меры. 25 апреля Россия и Франция обменялись последними объяснениями, и уже 9 мая Наполеон покинул Париж, чтобы стать во главе своей армии. Он двинул на Россию беспримерные силы: 610 000 человек при 182 111 конях. Все завоеванные им народы входили в его армию: австрийцы, саксонцы, пруссаки пошли к Литве и Латвии, к Риге. Сам решил двинуться к Москве и вынудить Александра к заключению мира. Этим унижить. Немцы, поляки, итальянцы шли со своими государями. 22 июня Наполеон возвещал о начале Второй польской войны – название было то ли конспиративным, то ли пренебрежительным. Кампания готовилась и ожидалась громкой, весёлой и короткой. И куда же нам деться от аналогий? Не мог херр Шикльгрубер не знать даты «22 июня», даром ли прошло 129 лет. Главное – точная дата. С синеньким скромным платочком маркитанки.

«Россия сама стремится к своей гибели, и ее судьба должна совершиться!» – гласило воззвание. «А между тем эти слова скорее могли бы быть применены к его собственной судьбе. Весь этот поход, с самого начала своего, был лишь громаднейшей ошибкой, и даже те французские писатели, которые преклоняются перед гением Наполеона (например, Тьер), которые ослеплены блестящей карьерой этого завоевателя, и те согласны с высказанным нами воззрением. ... Мало того: всё безумие подобного похода было с полной ясностью доказано походом Карла XII шведского в 1709 году, и пример этого похода был у Наполеона перед глазами: много раз он даже сам обсуждал эту ошибку Карла – и сам повторил ее в колоссальных размерах!»¹⁵

¹⁴ *Егер О.* Всеминая история. Новейшая история. Т. 3. Под ред. П. К. Полевого. С.-ПТб.: Издание А. Ф. Маркса / Полигон. Аст. С.-ПТб – Москва. 1999. С. 246–247.

¹⁵ Там же. С. 265.

Вооруженные силы России были не в пример меньше наполеоновских. Только Александра это не беспокоило. Он видел действенные порывы своего народа, подлинный и всеобщий патриотизм и самоотверженную готовность к борьбе. Он впервые понял и полюбил Россию и ее народ. Он поверил в него. Русские войска были разделены на три армии под командованием Барклая де Толли, князя Багратиона и графа Витгенштейна. Потом на ходу стратегически соединили две армии у Смоленска. Наполеон пытался вынудить русские армии к сражению, но они ускользали, сознательно отступая. «При этом изумительные подвиги были совершены многими русскими генералами во главе отдельных отрядов. Так, например, граф Остерман получил приказание во что бы то ни стало задержать наступление французов от Витебска; вследствие этого со своим небольшим отрядом он в течение целого дня выдерживал натиск всей наполеоновской армии и все же сохранил свою позицию до наступления ночи; когда же в пылу сражения начальники отдельных частей посылали гонцов к графу Остерману с запросом «Что им делать?» – Остерман спокойно отвечал: «Стоять и умирать».

Другой генерал Неверовский, с 7-тысячным отрядом, должен был сдержать наступление вдесятеро сильнейшего неприятеля, который хотел зайти в тыл русским войскам, раньше них занять Смоленск и таким образом отрезать обеим армиям путь к Москве. Бой длился в течение полусуток; во время него французы произвели 40 кавалерийских атак против отряда Неверовского, но все же не смогли сломить его и вынудить очистить дорогу. Такое же геройство было проявлено генералами Раевским, Дохтуровым и Коновницыным в бою под стенами Смоленска»¹⁶.

Александр прислушался к народному выбору и поставил Главнокомандующим князя Михаила Илларионовича Кутузова. Кутузов дал генеральное сражение в 108 верстах от Москвы у села Бородина. При этом названии каждый россиянин вспомнит гениального Лермонтова, и мне не удержаться: Пстой-ка, брат мусью! Уж мы пойдем ломить стеною, уж постоим мы головою за родину свою. Проповедники патриотизма не понимают, что есть только один главный действенный рецепт: стихотворение «Бородино».

Всем давно известно, что в настоящей Отечественной войне 1812 года победила армия и народ. За Россию, за родину, за царя. Дворянство, купечество, крепостные крестьяне – все шли в народное ополчение, становились ратниками, собирали пожертвования, жертвовали последнее. В местах, где должны пройти французы, народ жёг жилища, чтобы не досталось врагу. На поле Бородинском русская армия везде удержала свои позиции. По окончании битвы в ту же ночь отступили по Московской дороге. На военном совете в Филях решено было оставить Москву. Оставить ее пустой. Уйти и вынудить французов увидеть ловушку: опустевшую Москву, без провианта. Что было дальше – известно малым детям. Москва горела. Французы начали задыхаться от дыма. Наполеон понял: это не сдача города, это его, Наполеона, конец и поражение. Позорное бегство из горящей Москвы, из России было страшнее пожара. В губерниях подмосковья поднялся народ, началась беспощадная партизанская война против французов и наёмников из других стран. Армия Наполеона погибала от голода и холода, от крестьянских вил и топоров. Ковыляющих иноземцев брали в кольцо, преследовали. Они отступали поспешно и беспорядочно. Сначала армия уходила с боями, но скоро, в ноябре Наполеон скрылся из армии, пробирался по Европе инкогнито.

Оскар Егер, немецкий историк, автор 4-х-томной «Всемирной истории»: «Кстати, заметим, что в новейшее время некоторые из немецких писателей стараются ослабить значение России в деле освобождения Германии. Но это опровергается уже самым характером движения германского народа и его подъемом духа против Наполеона, постепенно возрастающим по мере наступления русской армии к Висле, к Одеру – наступления, которое производилось безостановочно, начиная с 9 января 1813 года, т.е. со дня выступления русской армии из Вильны.

¹⁶ Там же. С. 269–270.

Не следует забывать, что подъем духа в Германии был делом народа, который в данном случае не шел рука об руку со своим правительством, а опирался на ту мощную русскую помощь, которая явилась для него надежной опорой в то тягостное время...»¹⁷

Впереди ждала ещё битва под Лейпцигом, завершившая конец Наполеона. А затем – остров Св. Елены...

¹⁷ Там же. С. 294.

Создатели города Висбадена

Когда утихли наполеоновские пушки, когда не только русские, но и немцы хором сказали своё «постой-ка, брат мусью!», старый висбаденский князь, ставший герцогом, Фридрих-Август и его младший брат Фридрих-Вильгельм, сыновья давно умершего князя Карла, начали обустривать город Висбаден. В 1806 году у города после наполеоновской компенсации оказалось два владетельных герцога.

Всего их, владетельных герцогов, было шестеро, если считать с XVII века. Они и создали ту картину города, которую мы с удовольствием наблюдаем до сих пор. Их выделила и назвала немецкий историк и публицист Ингеборг Майнеке (Ingeborg Meinecke)¹⁸. Представлю с её слов имена этих князей и герцогов.

Князь Георг Август Самуэль (1665–1721)

Из линии Нассау-Идштайн.

Строитель Бибрихского дворца и парка

Князь Карл (1712–1775)

Из линии Нассау-Узинген. В 1744 заложил резиденцию в Бибрихе.

Герцог Фридрих-Август. (1748–1816)

Построил Старый Курхауз в 1808–1810.

Герцог Фридрих-Вильгельм (1750–1816)

Построил Дворец наследного принца

Герцог Вильгельм (1792–1839)

Из линии Нассау-Вайльбург. Построил две колоннады, придворный театр и Городской дворец

Герцог Адольф фон Нассау (1817–1905)

С 1890 великий герцог Люксембургский.

Построил (т.е. дал заказ строителю-архитектору)

Греческую капеллу (Русскую церковь)

Среди этих шестерых князей, правителей Висбадена, два сына князя Карла, не дожившего до наполеоновских войн, Фридрих-Август и Фридрих-Вильгельм Нассау, были подняты в 1806 году Наполеоном до герцогов, и титул был закреплён за всеми будущими Нассау. Герцоги города определили внешний вид, развитие и главные линии обновления города. Они были заказчиками, работодателями и владельцами кошелька, который назывался шкатулкой.

Нассау – одна из древнейших немецких династий. Первый граф Нассау по имени Руперт появился в XII веке в среднерейнской округе, где получил земли с горячими источниками, будущий Висбаден и его окрестности. Так началось господство династии Нассау, продолжавшееся семь веков. Граф Руперт Нассау принадлежал к свите знаменитого средневекового короля Фридриха Барбаросса. Династия Нассау разрасталась, включая окрестные местности, и так возникали герцоги Нассау-Узинген, Нассау-Идштайн и Нассау-Вайльбург.

До нашего времени не дошли имена создателей Висбадена XII века, хотя мы любуемся сохранными руинами самой старой крепости Зонненберг на восточной окраине города. Интересно, что от красоты и мощи этих древних руин был в восторге Александр Бенуа, посетивший Висбаден. Строгий ценитель и знаток искусства счёл эти руины главным достоинством Висбадена, и надо сказать, что его мнение стало единственным. Большинство гостей города с ним не согласилось.

¹⁸ *Meinecke I.* Wiesbadens Nassauische Zeit 1806Ц1866. Wiesbaden, Frankfurt am Main: Privatdruck, Carl Ritter. 1968 // *Meinecke I.* Нассауское время Висбадена. 1806–1866. Висбаден, Франкфурт-на-Майне, частное издание, Карл Риттер, 1968. Перевод автора.

Названные герцоги задумали осовременить старый, частично разрушенный город и пригласили лучших архитекторов. Говоря об архитектуре, мы называем совсем другие имена – не титулованных владык, а творцов, зодчих, художников, которые всё-таки зависели от вкусов, мнений и желаний правителей. Самой яркой фигурой висбаденской городской архитектуры начала XIX века был талантливый архитектор Иоганн Христиан Цайс (Johann Christian Zeis, 1770–1820), один из учеников знаменитого Вайнбренера (F. Weinbrenner). Иоганн Цайс не только строил здания, украсившие город, он представил для будущих строителей разметку общего плана города и его деталей, частных. Определил центр города, так называемый «пятиугольник», образуемый пятью центральными улицами: Вильгельм-, Фридрих-, Швальбахер-, Рёдер- и Таунусштрассе. В 1830 году картина города дополнилась в южном направлении двумя новыми улицами: Рейнштрассе и Луизенштрассе. Цайс построил лучший, знаменитый отель «Четыре времени года», отель-бадхаус, т.е. с ваннами и бассейном целебной термальной воды. Этот отель стал жертвой бомбовых разрушений Второй мировой войны. И всё же благодаря великому архитектору мы до сих пор можем любоваться панорамой города и прекрасной беломраморной колоннадой справа от Курхауса.

Висбаден украшают 5 великолепных площадей. Главной принято считать Дворцовую площадь (Schoßplatz, 1839-1843). Она так широко раскинулась, что включает две площади: Дворцовую и Рыночную (Marktplatz). Главное здание Дворцовой площади – угловой Дворец. На первый взгляд он настолько скромен, что кажется обычным зданием. Но приглядишься – увидишь его изысканную красоту. Это строгая классика первой половины XIX века, т.е. неоклассика. Угол Дворца – овал, который повторен балконом с баллюстрадой над порталом. Скромный, не бросающийся в глаза фасад маскирует богатейшее и ценное внутреннее убранство дворца. Оно и сегодня сохранно, несмотря на войны и политические изменения. Архитектор дворца – один из лучших зодчих Германии Георг Моллер, построивший также прекрасные здания Дармштадта, в основном разрушенные бомбёжками Второй мировой войны. Дворцовая площадь плавно переходит в Рыночную площадь. Здесь, под окнами герцогского дворца, шумел рынок, символ демократизма. В любой момент народ мог вызвать герцога на балкон и обратиться к нему с просьбой или жалобой. Только не с каждым герцогом можно было так просто поговорить, но такой, будто вышедший из сказки, всё же был: это Адольф фон Нассау или Нассауский, как стали его называть русские.

На площади Марктплац лицом к дворцу стоят две ратуши: небольшая Старая ратуша (1610), давно ставшая городским загсом, поэтому на площади каждый день можно увидеть счастливую группку брачующихся с сочувствующими друзьями. Под углом к Старой ратуше, рядом с ней стоит внушительная Новая Ратуша с замечательно широкой лестницей и всегда открытыми для всех дверьми.

Три верхних этажа Новой Ратуши (1883–1887) выглядят иначе и проще первого: это следы Второй мировой, послевоенной реставрации, которая намеренно подчёркивает военное увечье первоначальной изысканной архитектуры в стиле немецкого ренессанса и готики. Пример тактичной, обдуманной реставрации показывает разрушения ради осознания вины нации. В каждом немецком городе Ратуша – это репрезентативное здание управления городом. Новая ратуша возникла в Висбадене во времена, когда город потерял свою самостоятельность и попал в подчинение более сильной Пруссии как результат краткой войны, подготовленной Бисмарком для объединения Германии. Этот процесс был нужен Германии, но он способствовал агрессивности, которая стала проявляться в конце XIX века. Задатки прусской победительности проявились в искусстве, например, в архитектуре. Так возник имперский памятник на Рейне в Рюдесхайме, который прозвучал страшноватым лозунгом: «Deutschland über alles» – «Германия превыше всего».

Новая ратуша построена в стиле, который называется *историзм*. В последнюю четверть XIX века он стал главенствовать в Германии. Его смысл – подражание древним, классическим

образцам, видоизменённым исторически. Это неоготика, неоклассика, неоренессанс, неоромантизм.¹⁹

Военные потери Второй мировой войны в Висбадене сравнительно невелики. Может быть, именно Марктплац пострадала более других мест города. Объектов, не тронутых бомбовыми ударами, на главной площади не было. Восстановлена ратуша, дворец, Кавалерский корпус дворца. Реконструирован старинный колодец перед дворцом.

Незабываема одна самая страшная военная потеря города: здесь, на Марктплац, под сенью стройной Маркткирхи, стояла гимназия для девочек-сирот, они жили здесь и сгорели живьём в доме, остался один пепел. На месте этого школьного сиротского дома разбит памятный сад роз, а в углу небольшого сада, занимающего прямоугольник бывшего дома, стоит чёрная обугленная фигура – выразительная и непонятная тем, кто не знает, что означает этот памятник, и прохожий в недоумении смотрит задумавшись, пока не увидит небольшую чугунную плитку на земле со страшной надписью. Все русские, помнящие войну, смотрят на эту надпись и символическую фигуру горящего человека с собственной болью и горечью. Эту память и боль у нас, немолодых, детьми переживших войну, не отнять. Обе площади, Шлоссплац и Марктплац, пострадали при американской воздушной атаке в ночь со 2 на 3 февраля 1945 года.

Невредимыми остались другие замечательные площади: Луизенплац, Кранцплац и площадь Курхауса. Скажем о них несколько слов.

Луизенплац прекрасна единством архитектурного решения: это классика. Точнее, – историзм, неоклассика. Небольшая площадь пересекает улицу Луизенштрассе, где на нее смотрит величественная церковь Бонифация, главного немецкого святого, крестителя Германии. Бонифациускирхе создана Филлипом Гофманом, архитектором с берегов Рейна, ставшим придворным строителем герцогов Нассау в Висбадене. Церковь католическая, хотя Висбаден более склонен к лютеранству. По бокам здания поднимаются две готические башни высотой по 70 м. Выше её только Маркткирхе, Рыночная протестантская, лютеранская церковь, которую никак не удаётся сфотографировать целиком, так она высока. В центре площади Луизенплац – памятник нассаусцам, погибшим в битве под Ватерлоо против Наполеона. По обеим сторонам прямоугольника площади – два невысоких здания: Мюнце, т.е. Монетный двор, и гимназия, которая считалась первой и главной в середине XIX века. Называлась она тогда громко: Педагогиум. У входа в Педагогиум стоит так называемая конная пластика: статуя коня, довольно потрепанного школярами, которые расписывались на лошадином брюхе после экзаменов. Площадь Луизенплац – удобнейший проходной двор сразу на несколько улиц. В XIX веке здесь сновали экипажи, кареты и пролётки.

Площадь сохраняет одно серьёзное отличие нового времени от тихой и благообразной старины: у дверей здания Мюнце висит доска с чётко написанным обращением: «Горожане! Помните! В подвалах Мюнце во время национал-социализма была тюрьма, здесь пытали людей. Больше мы этого не допустим!» Я люблю эту старинную площадь. Как же мне хочется, чтобы подобные напоминания можно было бы прочесть в моём Петербурге в местах, им соответствующих!

Теперь приглашаю читателя на площадь Курхауса и в сам Курхаус. Когда мне доводилось водить экскурсии по Висбадену для русских висбаденцев или гостей других мест, я останавливала группу на улице Вильгельмштрассе напротив Курхауса, между двумя колонадами. И тогда раздавалось всеобщее «ах!», и я сама изумлялась, видя этот чудесный пейзаж будто впервые. Вечнозелёное пространство изумрудной травы с двумя каскадными фонтанами между двумя беломраморными колонадами, и за ними, на краю зелёного поля – величественный Курхаус.

¹⁹ Koch Wilfried. Kleine Stilkunde der Baukunst. Historismus. München: Orbis Verlag, 1991. S. 61. (Немецкое обоснование архитектурного понятия «Историзм»).

Курхаус – главный художественный пункт города. Какая гармония! Старые платаны по бокам колоннад, зелёное поле с фонтанами – ковёр перед входом в широко раскинувшееся здание с шестью ионическими колоннами портика, а за ним купол, верхняя часть которого – стеклянное полушарие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.